

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПЕТРА I И ВЫПИСКИ ИЗ КУРАНТОВ 1690–1693 ГОДОВ

Период правления Петра I стал временем коренных преобразований в системе внешней политики России. В связи с этим большое значение имеют вопросы о том, когда у Петра I появился интерес к внешней политике и государственному управлению в целом и каков был механизм формирования внешнеполитических взглядов и представлений будущего императора. Ответить на них крайне сложно. Часто остается непонятным, кто именно принимал конкретные политические решения. Они оформлялись царским указом, даже если государь был ребенком или недееспособным. Не добавляют ясности и делопроизводственные записи. Столбцы документов с дьяческими пометами об их зачитании «великим государям» (Петру Алексеевичу и Ивану Алексеевичу) встречаются с 1682 по 1696 г. Говоря о документах 1682 г., историки автоматически видят в подобных пометах дань формулярному этикету. Аналогичные же записи 1696 г. обычно трактуются как указания на состоявшийся доклад Петру I. Но как же определить хронологический рубеж, после которого формулярная фраза стала отражать реальность (хотя бы в отношении одного из соправителей)?

Уточнить делопроизводственную информацию можно с опорой на документы личного происхождения. Но даже свидетельства самого Петра I могут выглядеть противоречиво. К примеру, для историков, отмечавших спонтанность и неожиданность возобновления в 1695 г. войны с турками и татарами, хрестоматийной стала фраза Петра I из письма Ф.М. Апраксину от 16 апреля 1695 г. о том, что даже во время «Кожуховского похода» 1694 г. (крупнейшей из петровских военных «потех») у него «ничего более, кроме игры, на уме не было»¹. Однако в другом его письме Апраксину того же периода «Кожуховский поход» и поход под Азов предстают событиями одного ряда: «шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть едем»². Проблема в том, что в письмах ближайшим соратникам царь постоянно шутил. В реальности он мог подразумевать прямо противоположное тому, что писал. В этом кругу сложился своеобразный язык, одновременно откровенный и зашифрованный, игровой и политически значимый³. Для понимания писем очень важен контекст, который был известен современникам, но не очевиден для ученых. Выбор интерпретации в научных работах обычно определяется общей концепцией исследования.

В историографии преобладают представления о том, что Петр I не участвовал в государственных делах и не интересовался ими не только в период регентства царевны Софьи, но и в первые годы после ее свержения, вплоть до Азовских походов⁴. Эти представления нуждаются в коррекции. Петр действительно долгое время не имел большого влияния на политику государства, но его интерес к вопросам управления прослеживается отчетливо. Не претендуя на полноту исследования проблемы, остановимся на нескольких, наиболее показательных для нашей темы, фактах.

Крайне любопытен эпизод 1690 г., отмеченный П.В. Седовым: Петр I был вынужден выслушать длительную дискуссию о «разорении» Иверского монастыря, которую в присутствии царя вели покровительствовавший обители боярин П.В. Шереметев и его оппонент боярин князь П.И. Прозоровский. «Пря» между боярами утомила госу-

* Шамин Степан Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. А.С. Пушкина.

даря, который «выбежал от них вон и указу никакого не учинил»⁵. Картина вполне очевидная – Петру I доверяют решение некоторых мелких (хотя и крайне важных для заинтересованных сторон) вопросов, однако ему не хватает ни опыта, ни терпения, ни желания разбираться в повседневных проблемах подданных. Когда же речь заходила о «больших» делах, отношение Петра к ним могло быть совсем иным.

Одним из важнейших государственных событий этого периода стали выборы нового патриарха. Патриархов в XVII столетии поставлял собор российского духовенства. Чин поставления менялся, однако решающее слово при утверждении кандидата на патриарший престол традиционно оставалось за царем. Так было и при отце Петра I, царе Алексее Михайловиче. В 1690 г., после смерти патриарха Иоакима, пришло время выборов преемника. По свидетельству П. Гордона, в среде духовенства произошел раскол. Высшие иерархи выдвигали псковского митрополита Маркела, а архимандриты, игумены и низшее духовенство предпочитали казанского митрополита Адриана. Петр I поддержал более образованного Маркела. Однако образованность псковского митрополита вызвала у его противников опасения, что, став патриархом, он будет попустительствовать иноверцам. Против Маркела выдвинули даже обвинение в ереси. В итоге все решила позиция Натальи Кирилловны, настоявшей на кандидатуре Адриана⁶, которого видел своим преемником покойный Иоаким⁷. Церемония поставления состоялась 23 августа 1690 г. Согласно обряду, царь вынужден был настойчиво предлагать патриарший престол нежеланному Адриану⁸. Произошедшее глубоко задело самолюбие Петра I. Об этом свидетельствуют слова государя, записанные бароном Бломбергом в 1697 г. в Митаве, где Великое посольство останавливалось по пути в Европу. Царь сетовал знатному иностранцу, что по смерти патриарха хотел назначить на его место человека ученого, который путешествовал и говорил по-латыни, по-итальянски, по-французски, но «русские» просили не ставить такого человека по следующим причинам: 1) потому, что он говорит на иностранных языках, 2) потому, что борода у него недостаточно длинна для патриарха, 3) потому, что его кучер садится на козлы кареты, а не верхом на лошади, как принято обычаем⁹. Несмотря на весь сарказм слов царя, очевидно, что Маркел был культурно чуждым человеком для большинства русского духовенства и той части светской знати, которая ориентировалась на сохранение традиций. Зато псковский митрополит отвечал чаяниям самого Петра I и его друзей-иностранцев.

Другим острым вопросом внешней и внутренней политики России было отношение властей к живущим в Москве католикам. В.В. Голицын, идя навстречу союзникам России по Священной лиге, сделал для них послабления в вопросах вероисповедания. Свержение царевны Софьи закономерно привело к ухудшению положения московской католической общины. О петровском видении этой проблемы можно узнать из записей, оставленных в период между 3 апреля и 15 сентября 1691 г. имперским послом И. Курцем. Курц отметил, что в московской политике сохраняются тенденции, намеченные при покойном патриархе, а Петр I не имеет большого влияния на дела. Царь же в личной беседе сообщил ему, что терпимо относится к идее открыть в Москве католическую церковь для иностранцев. Петр I говорил о своих идеях с Курцем втайне, причем у последнего сложилось впечатление, что курс царя на улучшение положения католиков в его окружении мало кто поддерживает¹⁰.

Конечно же, самым важным вопросом в политике России было отношение к фактически приостановленной, но не завершенной войне с Османской империей. О личных взглядах Петра I на эту проблему узнаем из записей голландского резидента ван Келлера. В его донесении от 24 июня 1692 г. отмечается, что царь хочет исправить ошибки прежних походов на татар (т.е. возобновить войну) и восхищается Вильгельмом Оранским¹¹. И.Н. Юркиным отмечен еще один любопытный факт, свидетельствующий об интересе царя к данной проблеме. В начале 1693 г. к гетману И.С. Мазепе из Посольского приказа был отправлен А.А. Виниус, тесные отношения которого с царем прослеживаются не позднее, чем с 1693 г.¹² Виниус вез грамоты, извещавшие о рождении царевны Анны Иоанновны и указ по поводу аренды винных шинков. Однако позже

Виниус, говоря об этой поездке, напоминал царю, что тот благоволил его «посылать в посылки к гетману о совете Озовского облежения»¹³. Таким образом, весной 1693 г. планы похода на Азов у Петра I уже имелись и исподволь велась его дипломатическая подготовка. Известия о том, что Россия вот-вот возобновит войну, появлялись в европейской прессе с 1691 г. вплоть до начала Азовских походов¹⁴. Возможно, что в какой-то степени эти публикации были спровоцированы беседами Петра I с дипломатами и друзьями-иноземцами.

Итак, Петр I уже в начале 1690-х гг. интересовался государственной политикой. Его личные взгляды существенно отличались от официальной позиции правительства России. Петр I желал укрепления контактов с Западом, возобновления войны с Османской империей и хотел сделать послабления католикам, необходимые для улучшения отношений с союзниками по Священной лиге. Фактически он стремился вернуться к внешней политике правительства царевны Софьи, которая прямо противоречила установкам покойного патриарха Иоакима¹⁵.

Почему же стремления царя несколько лет никак не влияли на политику государства? Следует вспомнить, что в 1689 г. роль Петра I в свержении царевны Софьи ограничилась поспешным бегством в Троице-Сергиев монастырь. Власть же перешла в руки людей, сплотившихся вокруг царицы Натальи Кирилловны. Именно правлением Натальи Кирилловны называет Б.И. Куракин период между падением правительства В.В. Голицына и смертью царицы в 1694 г.¹⁶ В первой половине 1690-х гг. Петр фактически не был «хозяином в собственном доме». В свете этого факта следует под иным углом зрения посмотреть на бесконечные отлучки, «потехи» и эпатажные выходы царя, которому к моменту смерти матери исполнился уже 21 год. Во «всешутейшем и всепьянейшем соборе», возникшем не позднее 1691 г., можно видеть собственную «ближнюю Думу» Петра I, не имевшего реальной власти над настоящей Думой. На Яузе построили личную «шутейную столицу» Прешпур. При помощи Гордона и других офицеров «потешные» войска преобразовали в полноценные полки – Преображенский и Семеновский¹⁷. Состоявшееся 1 января 1692 г. по воле Петра I в Преображенском «поставление в патриархи» Н.М. Зотова, известного впоследствии как «всяя Яузы и всего Кокуя патриарх», стало своеобразным ответом царя на совершенное помимо его воли поставление Адриана¹⁸. Как пример полного отсутствия интереса к внешней политике у Петра I часто приводят скандальную ситуацию начала 1692 г., когда царь отказался возвращаться из Переславля для встречи персидского посла, а первые лица правительства Натальи Кирилловны (Л.К. Нарышкин с Б.А. Голицыным) были вынуждены лично ехать за ним. Однако этот случай можно рассматривать не как инфантильную выходку великовозрастного «дитяти», а как попытку царя добиться того, чтобы с ним начали считаться при решении важнейших государственных дел.

Авторитет правительства Нарышкиных держался на уважении Петра к своей матери. Наталья Кирилловна умерла в январе 1694 г. После этого Бутенант фон Розенбуш отметил в своем письме, что Нарышкины «присмирели»¹⁹. Следует подчеркнуть, что за смертью царицы не последовало смены правительства Л.К. Нарышкина–Б.А. Голицына, которое благополучно функционировало вплоть до возвращения Петра I из великого посольства²⁰. Новым было то, что у царя появилась возможность поступать по своему личному усмотрению в интересовавших его сферах государственного управления. Самостоятельные распоряжения Петра I последовали уже во второй половине 1694 г. В ноябре Петр I дал П. Гордону долгожданное разрешение на строительство в Москве каменной католической церкви²¹. С большой степенью вероятности можно утверждать, что в окружении царя обсуждался проект его поездки за границу, позднее реализованный в Великом посольстве. В конце лета 1694 г. в датском Кронбурхе прибытия Петра I ожидали король Дании с придворными и голландский резидент²². Поездка не состоялась. Царь лишь приказал нагрузить русскими товарами свои «потешные» корабли «Св. Павел» и «Св. Пророчество» и отправить их в иностранные порты²³. Осенью началась подготовка армии к возобновлению войны с Османской империей, что было особенно сложно, поскольку в «правление царицы Натальи Кирилловны»

финансирование армии сильно сократилось, и она пребывала в плачевном положении²⁴. Все возрастающие расходы на армию стали еще одним новшеством политики Петра I. Осенний Кожуховский «поход» представлял собой «потеху» с точки зрения формы и антуража, но в нем явно присутствовали элементы настоящих маневров, на которых отрабатывались приемы осады крепостей. Учитывая, что планы похода на Азов имелись у царя еще в 1693 г., вряд ли стоит сомневаться, что Кожуховские мероприятия были подготовкой к военной кампании 1695 г. Таким образом, царь начал реализовывать свои внешнеполитические планы, как только приобрел реальную власть.

Возвращаясь к вопросу о том, когда у Петра I начали формироваться внешнеполитические взгляды, следует согласиться с мнением В.С. Бобылева, отмечавшего, что начало этого процесса следует отнести к детству Петра, которое прошло в антиосманской атмосфере, охватившей правящие круги России в ходе русско-турецкой войны²⁵. Однако от общего осознания того факта, что турки и татары – злейшие враги России, до формирования политического мировоззрения – дистанция огромная. Во всех работах о Петре I отмечается, что знания о Европе царь получал в Немецкой слободе. Начало регулярных контактов Петра I с иностранцами относится к 1688–1689 гг., когда голландец Франц Тиммерман учил царя математике, а его земляк Карштен Брант – обращению с парусами²⁶. Это должно было способствовать появлению у Петра I симпатии к Нидерландам, что позднее неоднократно отмечал ван Келлер. К тому же периоду относится состоявшееся через посредство дружившего с иноземцами Б.А. Голицына знакомство царя с П. Гордоном и Ф. Лефортом²⁷. Следует отметить, что Гордон в вопросах дипломатии был человеком глубоко сведущим. В 1686 г. король Англии Яков II назначил Гордона британским чрезвычайным посланником в Москве, однако в России Гордона в новой должности не утвердили. Фактически он исполнял обязанности английского представителя. После свержения короля Якова в письмах своим коммерческим агентам в Лондоне Гордон просил приобрести для него «книги или документы, призывающие к поддержке короля Якова». Кроме того, Гордон был корреспондентом «Лондонской газеты» в России. Эта должность давала ему доступ к самым актуальным новостям из Англии. К.Н. Станков предполагает, что он оказывал определенное влияние на Петра I²⁸. К сожалению, о конкретной «международной» составляющей их бесед точной информации нет.

Общение с приезжавшими в Россию иностранными дипломатами являлось для Петра I важным источником сведений о Европе. Формальные аудиенции, которые Петр I давал приезжавшим послам вместе с братом Иваном еще в правление царевны Софьи, должны были сформировать представления о том, как осуществляются сношения между государями. Однако для понимания содержательной части дипломатического процесса этого явно не хватало. Прямые контакты между Петром I и зарубежными дипломатами фиксируются с 1691 г. Не исключено, что толчком к развитию событий стало состоявшееся 2 апреля 1691 г. заседание Думы, где присутствовал Петр I. На нем заслушивали переданное голландским резидентом Келлером письмо бургомистра города Амстердама Николая Витсена от 31 января 1690 г. о возможности прямой торговли с Персией через Каспийское море и с государствами Дальнего Востока через Сибирь. Его прислали вместе с вновь изданной Витсеном картой Северной Азии. Старания Витсена были оценены очень высоко. Бургомистру отправили «грамоту с похвалой»²⁹. Летом 1691 г. состоялась целая серия встреч царя с иностранными дипломатами. Петр I посетил представителей Священной Римской империи, Швеции, Голландии и Дании. Со шведским дипломатом Т. Книпером он обсуждал организацию шведской лейб-гвардии³⁰. Надо полагать, что дипломаты постарались донести до русского царя свое видение политической ситуации в Европе.

Основным источником информации по международным вопросам для русских государей всегда был Посольский приказ. Приказы составляли основу всей системы управления Российским государством³¹, однако именно документы Посольского приказа наиболее сложны для анализа из-за стандартных делопроизводственных формуляров. По замечанию шведского резидента в Москве Христофора фон Кохена, с декабря

1687 г. В.В. Голицын начал докладывать Петру I важнейшие дела³². 16 марта 1688 г. царь осматривал Посольский приказ³³. Однако это не означает, что Петр I уже тогда с головой погрузился в проблемы государственного управления.

Уникальным источником, позволяющим проанализировать уровень интереса царя к внешней политике в начале 1690-х гг., являются выписки из курантов, которые в 1690 г. начали составлять лично для Петра I. Данный тип документов впервые выявила и исследовала Е.И. Кобзарева в 1988 г.³⁴, однако в специальных исследованиях о Петре I они не использовались. Наиболее ранний текст, существенно отличающийся от обычных курантов, составлен 9 июня 1690 г. Это еще не выписки из курантов, а тематическая подборка из трех статей с известиями о том, как начавшаяся в Европе война между Францией и странами Габсбургской коалиции повлияла на международную торговлю. В первой статье из Стокгольма рассказывалось о том, что в Швеции готовится к отправке в другие страны большое число торговых кораблей. Следующий материал из Гааги посвящен переговорам с пребывающим здесь шведским послом о свободной торговле (в том числе и с Францией, противницей Нидерландов) для шведских кораблей. Последняя публикация из Амстердама доходчиво сообщала о том, что у англичан, французов и голландцев морская торговля «помешалась» из-за войны, которую ведут их страны, а шведские купцы получают большую прибыль из-за того, что могут «между всеми торговать свободно». Петру I эту подборку зачитали 16 июня³⁵. Надо полагать, что пацифистский материал был подготовлен, чтобы убедить царя во вреде войны для государства. Появление документа именно в это время вполне логично – наступил новый военный сезон (период боевых действий в XVII в. – лето), а войну с Османской империей правительство Натальи Кирилловны продолжать не собиралось. Между тем Петру I исполнилось уже 18 лет, он был взрослым женатым человеком, страстно любил оружие и все, что связано с войной. Наверняка царь желал доказать себе и всем окружающим, что является лучшим полководцем, нежели отправленный в ссылку В.В. Голицын. Наталья Кирилловна и ее окружение столкнулись с необходимостью объяснять царю, почему войны не будет. Для Петра I мнение иностранцев являлось авторитетом, так что соответствующие выписки из курантов в данной ситуации очень пригодились. Вряд ли будет ошибкой предположить, что подборка статей от 9 июня 1690 г. стала толчком к началу составления для царя выписок из курантов.

Первый из обнаруженных на сегодняшний момент экземпляров полноценных выписок из курантов датируется 1690 г. Составили их следующим образом: на полях сводки курантов от 23 июня часть статей поместили крестиком, а выделенные микро-тексты переписали, не сокращая, на отдельных листах. Если исходная сводка составляла 17 листов, то ее краткий вариант – всего 3 листа (правда, написанные довольно убористым почерком). Текст почти не редактировался³⁶. Следующие сохранившиеся выписки относятся к 14 июля³⁷. Точно установить, насколько регулярно они составлялись в это время, невозможно из-за плохого состояния документов за вторую половину 1690 г. и первую половину 1691 г. Выписки вообще сохранились гораздо хуже, чем сами куранты. В любом случае, 1690 г. следует рассматривать как время начала «профессионального» знакомства Петра I с политической жизнью Европы.

Одной из любопытных особенностей выписок из курантов было отсутствие в них устойчивого формуляра заглавия. Это делало документ в некоторой степени похожим на письмо. Кажущаяся странность находит объяснение в особенностях личных отношений Петра I и составителя выписок, московского почтмейстера А.А. Вениуса. Подписей Вениуса на выписках из курантов нет. О его авторстве известно из переписки между царем и почтмейстером. Наиболее показательно письмо Вениуса к Петру от 15 октября 1697 г.: «С прешедшею, господине, почтою к Вашему господству означил есм точию в курантах ведомости победы великой, юже цесарское войско над бусурманы одержали»³⁸. Здесь имеются в виду пометы-крестики, которыми как в 1690 г., так и в 1697 г. обозначались выбранные для выписок статьи курантов. Поддерживаемая Петром I неформальность в общении с ближайшими соратниками максимально проявилась в письме от 15 ноября 1698 г., где Вениус изложил внешнеполитические новости,

не составляя отдельных выписок, а на случай, если царь захочет узнать подробности, приложил к посланию газету³⁹. Выбор Виниуса в качестве составителя выписок кажется вполне естественным, ведь он являлся не только почтмейстером, но и переводчиком, а также выдающимся интеллектуалом своего времени⁴⁰.

Не позднее октября 1691 г. выписки стали делаться из всех сводок курантов. По крайней мере, нет данных, которые позволяли бы связывать имеющиеся отдельные пропуски с чем-либо, кроме утраты документов. Всего с 1691 г. по начало 1693 г. сохранилось не менее 50 комплектов выписок⁴¹. Если царя не было в Москве, то выписки, судя по дьячьим пометам, посылались к нему как в подмосковное Преображенское, так и в далекий Переславль-Залесский⁴². В 1692 г., отказываясь ехать в Москву для встречи персидского посла, царь продолжал знакомиться с международной политикой по курантам.

Возможно, в 1693 г. составление выписок на какое-то время прекратилось. Точно судить об этом сложно, поскольку куранты 1693 г. утрачены почти полностью, за исключением первых месяцев года. Документы с сентября 1694 по лето 1695 г. имеют очень хорошую сохранность, однако указаний на составление выписок в них нет вплоть до 30 апреля 1695 г. Судя по помете на курантах за эту дату, выписки предназначались для отправки к царю под Азов с первой же из «азовских» почт⁴³. Позднее выписки из курантов посылались с каждой почтой, идущей к русским войскам под Азов. Можно предположить, что перерыв в составлении выписок произошел из-за отлучек Виниуса, который в 1693 г. ездил сначала в Украину, а потом вместе с царем в Архангельск. За все время отсутствия Виниуса в Москве известен только один комплект выписок (за 13 марта 1693 г.)⁴⁴. Вероятно, что Виниус перепоручил кому-то вместе с почтовыми делами и составление выписок, но дело не пошло.

Этот вариант вполне возможен, поскольку Виниус постепенно от простого сокращения курантов перешел к значительно более глубокой переработке исходного материала. В качестве примера рассмотрим редактирование сообщения из Москвы от 15 января 1692 г., помещенного в курантах от 13 марта 1692 г.⁴⁵ и в выписках из них.

Куранты

С Москвы генваря в 15 день. Здесь так великая стужа, что о таковой памяти нет. Птиц по 30 и по 40 сверху падают, а людей уже от того 500 человек померло. Его царское величество царь Петр Алексеевич пошел в Астрахань и учиня тамо всякие надобные к войне надлежащие вещи, скоро назад будет. По всей Москве крепко радеют о воинском вооружении, а куда, и будет ли на татар крепкое наступление, того не ведомо. Еще радеют, дабы честно встретить посла персидского. И указано всякому боярину с 15 дворов дать по человеку и на Москве поставить, и проводить того посла с великим поиском на польской рубеж.

Выписки

С Москвы генваря в 15 день. Великая здесь стужа стоит, так что птицы на полете умирают. А царское величество великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержец изволил итти в Астрахань и вскоре паки здесь будет. Многая здесь готовность воинская чинится, и будет ли наступление на татар, неведомо. А ко встрече персидского посла великая готовность чинится.

Как видим, исходный текст перевода сократился больше, чем на 30%. Составитель выписок убрал информацию о смерти от мороза 500 человек, ложные сведения о том, что царь ездил в Астрахань, заботясь о «войне надлежащих вещах» (на самом деле Петр просто смотрел на персидское посольство) и о пышных почестях персидскому послу. «Недостающая» же, по мнению составителя выписок, информация была добавлена – титул Петра «царское величество царь Петр Алексеевич» теперь выглядел: «царское величество великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержец». В исправленном виде «публикация иностранной газеты» явно была более приятной для читателя – Петра I.

Сообщение выписок с заголовком «Из Венеции февраля в 9 день»⁴⁶ вообще было скомпилировано из статей курантов за 6 и 13 марта⁴⁷.

Куранты от 6 марта и от 13 марта

Из Венеции февраля в 9 день.

Из Лепанто приезжие сказывают, что капитан месениянин родом измену учиния, турком Карагузу город здал, а владельца нашего именем Дорию и маеора со иными начальники порубил. В понедельник здесь на берегу Лида названном смотр был войску и то войско по первому ветру отошлют в Лепанд.

Из Неополи Деромания февраля в 19 день.

По щету обрелось в здешнем государстве 150 000 душ, но понеже величиною то государство 9 000 греческих миль есть, и того ради много впусе лежит.

В исходных текстах сообщалось о том, что находившиеся на службе у венецианцев греки сдали туркам остров Карагузу (ныне Грамвуса у северо-западного побережья острова Крит), а также о запустении греческих земель в результате войны. Виниус творчески переосмыслил тексты этих сообщений. Из первого он удалил название пункта отправки новости (Лепанто). Возможно, Петр I не знал этого города, и название ему ничего не говорило. Упоминание о том, что изменник «месениянин родом» (т.е. житель Мессении) было значимым для венецианцев, поскольку здесь жили греки-маниоты, которых венецианцы активно привлекали на службу. Виниус же заменил его на более понятное «гречанин». Имя убитого венецианского военачальника Виниус опустил, зато указал, что капитан командует «100 человеки пехоты». В следующем ниже рассказе о сборе войск Виниус заменил конкретные топонимы обобщенным «Морея» (Пелопоннес), а выражение «по первому ветру» расшифровал как «на весну». У следующей статьи Виниус опустил заголовок и несколько изменил смысл. В исходном варианте говорилось о том, что «в здешнем государстве» обрелось 150 тыс. человек. Это свидетельствовало о запустении Морей в результате войны. Виниус же добавил из неизвестного источника данные о том, что здесь собирается «дани на год 400 000 червонных золотых». В результате рассказ о запустении Морей превратился в указание на ее богатство.

Статья выписок под заглавием «Из Царя Града генваря в 6 день»⁴⁸ также заимствована из более ранних курантов⁴⁹. Она подверглась существенной переработке.

Куранты от 6 марта

Из Царя Града генваря в 6 день.

Здсь великое изготовление чинят, а везирь для собрания ратных людей указы розослал на всяких людех и торговых греков и на жидов для собрания денежной казны, от чего великая тягость чинится.

А народ турский зело миру желает, и того ради принужден везирь способу искать, как бы легче поступать, и их в смиреннии содержать, и для того от двора салтанского отехать не дерзает, опасаясь, что без него бунт учинится, и для того что салтан зело болен.

Текелии при нынешнем салтане при дворе его не в таком почитании, как был у бывшего везиря.

Выписки от 13 марта

Из Венеции февраля в 9 день.

На некотором нашем острове Карагуза турки знатно какова греченина накупили, которой был капитаном на 100 человеки пехоты, и с теми людьми воеводу нашего и многих начальных людей убили и то место туркам отдали.

А на весну наши войска на море и на суше зело готовятся, чтоб Морию не потерять, в котором ныне греков у нас в подданстве 150 000 человек с которых дани на год 400 000 червонных золотых.

Выписки от 13 марта

Из Царя Града генваря в 6 день.

Здесь великие готовности чинят к воинскому великому походу, какова преж сего не бывало. И для собрания великой казны денежной на греков и жидов тяжкая дань положена. И турки ныне отнюд мирится не хотят, разве христиане все их взятые места отдадут, и хотят они турки ныне саблюю своею доставать, буде добровольно того христиане не учинят. Однако ж надемся мы, что они к тому склонятся, потому что салтан зело болен, и буде умрет, то паки великое замешание у них будет.

Начало статьи, где говорилось о введении в Османской империи новых налогов на греческое и еврейское население, отредактировано лишь стилистически. Далее в исходной статье указано, что «народ турский зело миру желает», поскольку султан тяжело болен. В выписках же, наоборот, утверждалось, что турки хотят воевать, а надежда на мир есть лишь в случае смерти заболевшего султана.

Сообщения двух последних статей, потеряв в обработке Виниуса значительную часть информации, стали более точно отражать ситуацию в Море и Османской империи в целом. Хорошо представляя положение дел за рубежом, Виниус мог удалять из статей текущие подробности, заменяя их на обобщенную характеристику политической ситуации. Он отчетливо понимал, что даже пострадавшая от войны Морея была хорошим источником для сбора налогов, а правительство Османской империи имеет достаточно сил для продолжения войны со Священной лигой, и только междоусобица в случае смерти султана может существенно повлиять на боеспособность османов. В отличие от крайне сложных для чтения изначальных переводов (на них большое влияние оказывала структура языка оригинала), продукция Виниуса легко усваивалась. Следует отметить, что столь радикальное редактирование было исключением, а не правилом. В подавляющем большинстве выписок Виниус ограничивался упрощением исходных текстов.

В исключительных случаях в выписки могли добавлять большие массивы текста. Так в выписках от 3 января 1692 г. помещен крайне любопытный перевод: «Из Меркурия⁵⁰. Некогда славный король гишпанский Филип вторый говорил, яко всякий король в правлении своего государства уподобен ткачу, которой трудится в своем деле руками, такж и ногами и того остерегает, чтоб каждая нить в своем пристойном месте легла, и которая порвется, вскоре опять ко оторванной привязати, и потом паки дело свое вести дондеже весь постав совершится, тако и великому государю подобает трудиться всечасно в правлении своего высокого дела, и всякую часть привязать»⁵¹.

Здесь идет речь о Филиппе II, правившем Испанией с 1556 по 1598 г. Филипп II широко известен как строитель «Непобедимой армады» и организатор антитурецкой Священной лиги. Однако приведенный выше текст внеисторичен. Он говорит о «ремесле» правителя. Единственная причина его перевода – назидательность. Прославляемые королем терпение и последовательность были теми качествами, которых Петру очень не хватало. Эту «педагогическую» вставку можно рассматривать как эксперимент, который не прижился.

Следующим шагом в совершенствовании выписок стал переход к систематизации статей по темам. Впервые такое распределение материала отмечено в выписках от 28 марта 1692 г. Виниус отказался от деления известий по печатным источникам – «цесарским» и «галанским» газетам, а вместо этого разделил известия по тематике на турецкие, польские, цесарские, французские, английские и голландские⁵². Каждый из разделов отражал политическую ситуацию, которая сложилась в конкретном регионе. Порядок тем определялся степенью влияния описываемых событий на формирование собственной внешней политики России. С этого момента рубрикация известий в выписках стала нормой. Число рубрик и их порядок зависели от содержания новостей. Позднее, во второй половине 1690-х гг., Виниус постепенно отказался от глубокой редакции выписок и вернулся к простой отметке наиболее важных статей для копирования. Произошло это потому, что, с одной стороны, круг обязанностей Виниуса постоянно расширялся и времени на обработку иностранных новостей не хватало, а с другой стороны, сам Петр I все меньше нуждался в упрощенном изложении новостей иностранной прессы. Однако на этапе формирования представлений Петра I о европейской политике значение переработанных Виниусом выписок трудно переоценить.

Если анализировать не отдельные сообщения, а темы, развитие которых можно проследить по выпискам на протяжении всего изучаемого периода, то оказывается, что основное содержание курантов составили известия о двух взаимосвязанных оча-

гах боевых действий в Европе. Наиболее важной для России была война Священной лиги против Османской империи. Она началась в 1683 г. походом турок на Вену. Тогда цесарскую столицу спас лишь неожиданный удар пришедших на помощь Священной римской империи польских войск. В 1684 г. под патронатом и при финансовой поддержке папы Иннокентия XI была создана Священная лига, включавшая Империю, Венецианскую республику и Речь Посполитую. Позднее, в 1686 г., к лиге присоединилась Россия. Фактически в рассматриваемый период российское государство продолжало участвовать в этой войне, перейдя после 1689 г. к чисто оборонительным действиям. Второй конфликт – война Аугсбургской лиги против Франции. В 1688 г. Людовик XIV решил воспользоваться тем, что Священная римская империя увязла в боях с османами, и попытался продолжить завоевания в Германии. Против Франции составил союз из Империи, Испании, Англии, Нидерландов и ряда германских государств. Сведения, так или иначе связанные с этими конфликтами, составляли основной объем выписок из курантов. Поступавшая к Петру I информация ярко демонстрировала целостность европейского политического пространства и взаимосвязь происходивших в разных частях европейского континента политических событий.

Подводя итог нашему исследованию, можно не сомневаться, что в начале 1690-х гг. Петр I не только интересовался внешней политикой, но и следил за положением дел в Европе. Получил он и первый опыт общения с европейскими послами. Конечно же, все это не делало царя искусным дипломатом. Подлинной дипломатической школой стало для него Великое посольство, хотя нетерпеливый характер Петра I вообще мало способствовал усвоению дипломатического искусства. Тем не менее, основной принцип европейской политики, заключавшийся в системе противовесов и создании коалиций против сильнейшего противника, скорее всего, был усвоен Петром уже в первой половине 1690-х гг. Выписки из курантов можно рассматривать как средство, с помощью которых Наталья Кирилловна старалась научить своего сына «ремеслу» правителя, а в Виниусе следует видеть одного из наставников молодого царя. Что же касается курантов, то Петр I обращался к ним на протяжении всей своей жизни. Они посылались к царю в Великое посольство⁵³, на основе курантов царь создал первую русскую газету «Ведомости», в последние годы петровского правления куранты стали важным элементом мониторинга европейской прессы⁵⁴.

Примечания

¹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887. С. 28–29.

² Там же. С. 28.

³ *Зицер Э.* Царство преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. С. 14.

⁴ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. VII. Т. 13–14. М., 1991. С. 432, 464; *Богословский М.М.* Петр Великий: материалы для библиографии. Т. 1. М., 2005. С. 200–201; *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1994. С. 32, 35.

⁵ *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 30.

⁶ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. 13–14. С. 464.

⁷ *Богданов А.П.* Русские патриархи (1589–1700 гг.). Т. 2. М., 1999. С. 321.

⁸ *Богословский М.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 94.

⁹ *Санин Г.А.* Традиционное и новое в политическом курсе // История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войны России против Наполеона). М., 1998. С. 18.

¹⁰ *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). М., 2008. С. 178–179.

¹¹ Там же. С. 178.

¹² *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011. С. 195.

¹³ *Юркин И.Н.* Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М., 2007. С. 200–201.

¹⁴ *Шамин С.М.* Куранты... С. 192–193.

- ¹⁵ Богданов А.П. Указ. соч. Т. 2. С. 290–296.
- ¹⁶ Куракин Б.И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях. 1682–1695 гг. // Русская старина. 1890. Т. 68. № 10. С. 257, 246.
- ¹⁷ Бушкович П. Указ. соч. С. 182.
- ¹⁸ Богословский М.М. Указ. соч. Т. 1. С. 122.
- ¹⁹ Бушкович П. Указ. соч. С. 184.
- ²⁰ Правящая элита Русского государства, XI – начало XVIII в. Очерки истории. СПб., 2006. С. 473.
- ²¹ Богословский М.М. Указ. соч. Т. 1. С. 201.
- ²² Шамин С.М. Куранты... С. 196.
- ²³ Богословский М.М. Указ. соч. Т. 1. С. 184.
- ²⁴ Пузанов В.Д. Русские полки «иноземного строя» в Сибири в XVII веке // Вопросы истории. 2006. № 7. С. 111.
- ²⁵ Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 20–21.
- ²⁶ Богословский М.М. Указ. соч. Т. 1. С. 54–56.
- ²⁷ Там же. С. 79.
- ²⁸ Станков К.Н. Патрик Гордон и партия якобитов в России в конце XVII в. // Вопросы истории. 2011. № 10. С. 111–120.
- ²⁹ Юркин И.Н. «Сие есть великая тайна...» (письмо Николая Витсена о «вольной» торговле и новых землях) // Архив истории науки и техники. Вып. 4(13). М., 2010. С. 455–480.
- ³⁰ Бушкович П. Указ. соч. С. 181–182.
- ³¹ Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства XVI–XVII веков // Преподавание истории в школе. 2008. № 10. С. 25–30.
- ³² Висковатов К.А. Москва в 1687–1688 гг. // Русская старина. 1878. Т. 23. № 9. С. 124–125.
- ³³ Богословский М.М. Указ. соч. Т. 1. С. 58.
- ³⁴ Кобзарева Е.И. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
- ³⁵ РГАДА, ф. 155, оп. 1, д. 10 (1690 г.), ч. 3, л. 523–524.
- ³⁶ Там же, ч. 2–3, л. 389–408.
- ³⁷ Там же, л. 451.
- ³⁸ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 653.
- ³⁹ Там же. С. 750–751.
- ⁴⁰ Устинова И.А. Русские интеллектуалы XVII века // Преподавание истории в школе. 2011. № 7. С. 37–38.
- ⁴¹ РГАДА, ф. 155, оп. 1, д. 12 (1691 г.); д. 10 (1692 г.); д. 10 (1693 г.); оп. 2, д. 60 (1692 г.); д. 62 (1693 г.); д. 64 (1693 г.). Возможно, некоторые листы современных дел являются фрагментами выписок с утраченным началом.
- ⁴² Отправлявшиеся с государями в «походы» куранты и выписки из них, судя по всему, или возвращались обратно, или выбрасывались. Данных о том, что они могли откладываться в архивах подмосковных царских усадеб, где их зачитывали царям, найти не удалось. См.: Топычанов А.В. Архив приказной избы подмосковного села Измайлова за 1676–1687 гг. и его документы // Археографический ежегодник за 2001 г. М., 2002. С. 336–343.
- ⁴³ РГАДА, ф. 155, оп. 1, д. 7 (1695 г.), ч. 1, л. 258.
- ⁴⁴ Там же, оп. 2, д. 64 (1693 г.).
- ⁴⁵ Там же, оп. 1, д. 10 (1692 г.), ч. 1, л. 156, 157, 168–170.
- ⁴⁶ Там же, л. 169, 170.
- ⁴⁷ Там же, л. 146, 166.
- ⁴⁸ Там же, л. 169, 170.
- ⁴⁹ Там же, л. 146.
- ⁵⁰ Слово «меркурий» входило в заглавия многих европейских газет и журналов. Из-за этого оно стало нарицательным и могло обозначать любое периодическое издание.
- ⁵¹ РГАДА, ф. 155, оп. 1, д. 10 (1692 г.), ч. 1, л. 13.
- ⁵² Там же, оп. 2, д. 60 (1692 г.), л. 1–3.
- ⁵³ Гуськов А.Г. Информационное обеспечение Великого посольства 1697–1698 гг. // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. Вып. 5. М., 2009. С. 27–44.
- ⁵⁴ Майер И., Шамин С.М. Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I // Российская история. 2011. № 5. С. 91–111.